

за мордочка, что за лапочки, что за хвостикъ! Ну, просто фарфоровая куколка!

— А вотъ какъ рѣшить папа, — сказала мама. — Мы живемъ вѣдь въ 4-мъ этажѣ, а папа, вы знаете, не хочетъ понапрасну беспокоить прислугу.

— Ничего, барыня, — сказала Паша: — песикъ-то очень ужъ миленькій, мы съ Ѳеней охотно будемъ убирать за нимъ.

— И то, жаль собачки, — сказала мама. — Вотъ увидимъ.

Тутъ возвратилась съ экзамена изъ гимназiи Лида. Какъ она-то обрадовалась! Собачекъ и всякихъ маленькихъ звѣрей она любитъ чуть ли еще не болѣе, чѣмъ я. Забыла съ радости даже рассказать, что ей поставили 12; а на выпускномъ экзаменѣ, да еще изъ математики получить 12 — не шутка!

Такъ провозились мы съ мопсикомъ до самаго обѣда. Хоть и пищаль онъ еще, а вылакалъ молока цѣлое блюдечко. Пищитъ, а у самого-то хвостикъ вверхъ — преуморительный, право!

Наконецъ пришелъ со службы и папа. Мы его тотчасъ обступили въ передней, показываемъ щечка, умоляемъ:

— Позволь, папочка, оставить его намъ!

— Ахъ, вы, дѣтушки! — говоритъ онъ. — Дайте хоть пальто-то снять; за столомъ уже поговоримъ.

Подали на столъ. Разговору за столомъ, разумѣется, тожени о чемъ больше, какъ о собачкѣ. Видитъ папа, что всѣ за нее, говорить:

— Да вѣдь, того гляди, потеряется — пойдутъ слезы...

— Не потеряется! — говоримъ. — Мы всѣ, какъ няни, ходить за нею будемъ.

— У семи нянекъ, милыя, дитя безъ глазу.

— Ахъ, нѣтъ, папочка! Пожалуйста.

— Ну, ничего съ вами, я вижу, не подѣлаешь. Скоро вѣдь переѣзжаемъ въ Павловскъ: на дачѣ съ собакой все же меньше возни.

То-то была радость! Теперь оставалось дать собачкѣ имя. Ужъ какихъ именъ ни перебрали: и Дружокъ, и Шарикъ, и Бобикъ, и Хвостикъ. Но милочка наша не кавалеръ, а мамзель; стало быть, мужское имя не годилось. Наконецъ выбрали: Бибка, Бибишка. Такая вѣдь малюсенькая, кругленькая — настоящая Бибишка!

Уфъ! дописала; зато пальцы, какъ деревянные, еле двигаются. Завтра непременно буду продол-

Мы папу обступили въ передней и показываемъ
щеночка.

жать. Какъ-то Бибочка наша безъ мамы своей ночь проведетъ? И теперь-то ужъ пищитъ опять, жалуется, бѣдняжка. А хвостикъ все вверхъ. Душечка!

28 апрѣля.

Вчера я спрятала дневникъ въ свой учебный столикъ; но столикъ безъ замка, и когда я вышла сегодня поутру къ кофey, смотрю: у окошка въ столовой стоитъ Таня, а въ рукахъ у нея — мой дневникъ.

— Не смѣй читать! — закричала я и хотѣла вырвать у нея дневникъ изъ рукъ.

Но она подняла его такъ высоко на воздухъ, что мнѣ нельзя было достать, и отвѣчала притворнымъ учительскимъ тономъ:

— Во-первыхъ, ученицы не говорятъ своимъ учительницамъ: „не смѣй“...

— Но теперь у насъ съ тобой нѣтъ еще урока, — перебила я.

— Во-вторыхъ, — продолжала она, — ты пишешь такими каракулями, что и не разобрать...

— Да я пишу не для другихъ, а для себя.

— Въ-третьихъ, ты говоришь тутъ о какой-то Танѣ. Кто же эта Таня?

— Какъ кто? Ты.

— Для тебя—да. Но незнакомый читатель можетъ подумать что угодно: что Таня—какая-нибудь приѣзжая родственница, или экономка, что ли, или просто горничная. Если вести дневникъ, то надо писать обстоятельно: что Таня—твоя уважаемая старшая сестрица, которая три года назадъ окончила гимназію съ серебряною медалью; что Лида, вторая сестрица твоя, готовится на такую же медаль, и что тебя, нашу курочку-дурочку, мы съ Лидой учимъ уму-разуму, чтобы тебѣ дали уже не серебряную, а золотую медаль.

— Особенно при такомъ ученъи, какъ сейчасъ,—сказала мама, отнимая у Тани мой дневникъ и кладя его на столъ;—садитесь-ка обѣ и пейте; а то кофе совсѣмъ остынетъ.

Мы сѣли пить.

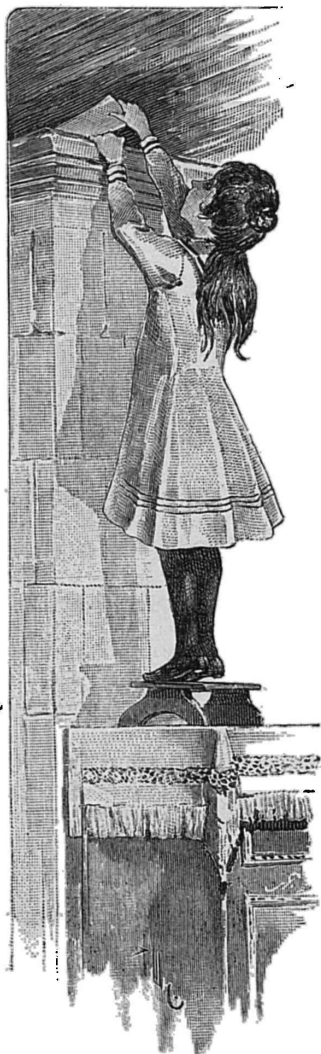
— Она и за урокомъ-то всегда шалитъ со мною,—сказала я:—мнетъ меня, цѣлуетъ...

— А зачѣмъ же ты такая булочка, такая пышка?—отвѣчала Таня и вдругъ обхватила меня за шею и давай цѣловать.

Я поневолѣ уронила чашку на блюдечко, ну, и облила кругомъ всю скатерть. Хорошо еще, что чашка-то не разбилась!

Мама покачала головой.

— Ахъ, Таня, Таня! что жъ это опять такое?

Таня сдѣлала удивленное лицо и указала на облитую скатерть.

— Что это такое, мамочка? А ты развѣ не узнаешь? Это — Африка. Ты видишь теперь, какъ Любочка хорошо у меня уже чертитъ карты: всю Африку съ одного почерка. А ей всего вѣдь 9 лѣтъ.

— Да, я вижу, что ее надо будетъ отдать поскорѣй въ гимназію, потому что ты сама еще ужасная школьница и ничему ее не научишь.

— Нѣтъ, мама, — сказала я; — уроки я ей хорошо готовлю. Только вотъ куда бы мнѣ дневникъ отъ нея спрятать?.. Ахъ знаю!

Я взлѣзла на стулъ, а оттуда на комодъ и положила дневникъ на печку. Тамъ-то она его уже не достанетъ!

Изъ-за дневника я чуть было не забыла даже про нашу мосеньку. Лида встала, какъ всегда, ранѣе другихъ, чтобы готовиться къ слѣдующему экзамену, и взяла Бибку къ себѣ на колѣни, а сверху накрыла еще платкомъ.

— Дай мнѣ хоть взглянуть-то на нее! — попросила я.

Лида осторожно приподняла платокъ. А Бибочка лежитъ себѣ калачикомъ и мордочкой уткнулась ей въ колѣни.

— Можно ее погладить? — спросила я.

— Да, но только тихонечко, чтобы не разбудить: она всю ночь проплакала по своей мамѣ.

— Бѣдненькая! А какая шерсточка у нея: нѣжная, гладенькая — чистый шелкъ!

— Ну, будетъ, — сказала Лида. — Теперь ступай-ка заниматься.

— А послѣ можно будетъ поиграть съ ней.

— Когда проснется — да.

И пошла я заниматься. Зато послѣ уроковъ весь день провозилась съ Бибкой; кормила ее молочкомъ и булкой; потомъ вмѣстѣ съ мамой устроила ей мягкую постельку въ корзинкѣ. Бѣдняжка все еще хнычетъ, скучаетъ. Пускай проспится свое горе!

30 апрѣля.

Въ послѣдній день апрѣля, какъ и 1-го числа, можно обманывать другъ друга; но нельзя же выдумывать такія страсти! Я сплю очень крѣпко, и вотъ сегодня Оеня, чтобы скорѣе меня добудиться, вздумала напугать меня:

— Барышня, вставайте, вставайте! Бибку у насъ трубочистъ унесъ.

Понятно, что я тотчасъ вскочила съ постели, да въ слезы. А она смѣется и утѣшаетъ:

— Ну, ну, голубушка, полноте, не плачьте; моськи вашей никто не трогалъ: сегодня вѣдь 1 апрѣля.

Тутъ я и сама разсмѣялась.

— У васъ, Оеня, въ одномъ году два раза 1 апрѣля, семь пятницъ на недѣлѣ?

Но, въ самомъ дѣлѣ, если бы у насъ украли Бибочку, вѣдь это было бы такое несчастіе, какого другого и не придумаешь! Мы всѣ ее такъ ужъ полюбили. Какъ выпится у кого на колѣняхъ, такъ дѣлается такая веселенькая, рѣзвая. И скучать ужъ по матери перестала: у собакъ вѣдь память короткая! Но умненькая: знаетъ ужъ свое

имя. Позовешь только: „Бибка!“ — она и бѣжить со всѣхъ ногъ. Я впереди, а она за мною, изъ комнаты въ комнату. Сама чуть видна вѣдь съ полу, а бѣжить, и хвостикъ крючкомъ. Ни за что не позволю обрубить ей этотъ миленькій хвостикъ, какъ другимъ мопсамъ.

И какъ мило лакаетъ съ блюдечка язычкомъ! Только лапкой, дурочка, все залѣзаетъ въ молоко, и всегда, конечно, половину расплескаетъ.

— А мяса нельзя ей еще давать? — спросила я маму.

— Никакъ нельзя, — отвѣчала мама: — глаза будутъ слезится.

— Но хоть шоколаду кусочекъ?

— Погодя немного — пожалуй; теперь же для нея нѣтъ ничего слаще молока и бѣлаго хлѣбца.

3 мая.

Пресмѣшная эта Бибка! Мы съ Лидой посадили ее на скамейку подъ трюмо въ залѣ.

Какъ увидѣла себя въ зеркалѣ — понюхала сперва, а потомъ давай лизать зеркало. Вообразила, видите ли, что передъ нею другая мосичка:

— Bonjour, mademoiselle, comment vous portez vous?